

О пожертвованиях.

Надо сказать, что добровольные пожертвования всегда являлись огромной частью христианской жизни. В храмах постоянно объявлялись «кружечные» и «тарелочные» сборы на разные нужды: для помощи православным в городе Иерусалиме и святым местам Палестины, пожертвования на военные нужды действующей армии на Дальнем Востоке, на усиление военного флота и прочее, прочее... Такое положение сложилось издревле: ещё в первом веке различные местные церкви собирали пожертвования для помощи нуждающимся верующим в других местах. Эту традицию оказания всевозможной помощи продолжали христиане и на протяжении последующих веков.

С самого начала первой мировой войны Православная церковь принимала активное участие в организации помощи армии и флоту. Церкви и паства были призваны к тому, чтобы делать пожертвования для раненых и на помощь лицам, призванным на войну. Во всех храмах в пользу Красного Креста были установлены кружки для пожертвований, также предусматривалась подготовка монастырями и общинами лиц, умевших ухаживать за ранеными и больными и сбор собственными силами и средствами госпитальных принадлежностей. Православным постоянно напоминали о необходимости проявлять внимание к семьям призванных на войну.

Оказывали помощь и людям, попавшим в беду. Очень часто всем миром помогали погорельцам. В 1865 году священнику села Андреевка Дмитрию Григоровичу и диакону Евтихию Новоспасскому было преподано архипастырское благословение за похвальные их действия, так как они собственным примером и внушением расположили временно-обязанных крестьян сельца Бегичева и Павловки помочь пострадавшим от пожара крестьянам деревни Александровки. А пожары в то время случались часто, бывало — выгорали целые поселения и даже города! Так в 1875 году пожаром был истреблён почти весь город Моршанск, где осталось до 20 000 жителей без крова и хлеба! А в 1876 году значительный пожар около 3-х дней бушевал в Борисоглебске! Убытки исчислялись миллионами рублей! Стихия не выбирала себе отдельную жертву — горели все дома подряд. Часто жертвами пожаров становились и дома священнослужителей, для помощи которым собирались пожертвования среди служителей всей епархии.

Достойные и истинно верующие люди в нашем краю были не только среди служителей церкви, но и среди прихожан, которые также пеклись о благе своего храма. Прихожане жертвовали церкви по мере своих возможностей, кто — церковную утварь и иконы, кто — денежные средства. Лицам, сделавшим более других значительные пожертвования в пользу

церквей и духовенства, Святейшим Синодом преподавалось благословение, сообщение о котором размещалось в Тамбовских епархиальных ведомостях.

В 1899 году благодарность епархиального начальства была объявлена прихожанам церкви села Александровка за пожертвования 250 рублей на ремонт приходского храма. А в 1902 году жителю Андреевки отставному поручику Александру Николаевичу Полякову было объявлено архипастырское благословение и благодарность за то, что он в своём благочестивом и просвещённом усердии пожертвовал в распоряжение Его Преосвященства 10 500 рублей для распределения их по архипастырскому усмотрению. По тем временам — это была огромная сумма! В декабре 1904 года за заслуги по духовному ведомству Александр Поляков Высочайшим указом, данным Капитулу Российских Императорских и Царских Орденов, был Всемилостивейше пожалован орденом Святого Станислава 2-й степени.

Отставной поручик корпуса лесничих Поляков был управляющим в имени Дондуковых-Корсаковых и оставил заметный след в истории Андреевки и Александровки. Именно под его надзором проводилось большое и многотрудное дело — посадка леса, который мы знаем как Дондуков лес. Благодаря его опыту и оригинальному мышлению был создан рукотворный чудо-лес. В настоящее время Дондукова роща, расположенная в 2 км севернее села Александровка, признана памятником природы регионального значения.

В 1904 году архипастырская благодарность была объявлена крестьянину деревни Мамоново прихода села Копыл Борисоглебского уезда Козьме Тинькову за пожертвование им в приходскую свою церковь ковчега, стоимостью в 100 рублей.

Ковчегом в церковном реквизите называют небольшой ящик или ларец, используемый для хранения религиозных реликвий, который часто выполнялся из драгоценных металлов — золота и серебра. Обычно в него помещали частицы святых мощей, но также его использовали для хранения предметов и веществ, используемых при крещении. Такими предметами могли быть сосуды с миром и елеем, кисточки для помазания, губки для отирания мира, ножницы для обрезания волос и прочее. Некоторые такие ковчегии даже являлись предметами ювелирного искусства!

Чтобы оценить, насколько велика была сумма этого пожертвования в 1904 году, стоит сказать, что священникам и церковным служителям, уволенным за штат, за службу по епархиальному ведомству назначалась пенсия, которая составляла: священникам — 300 рублей, диаконам — 200 рублей, а псаломщикам — 100 рублей в год. Так что стоимость данного ковчега равнялась годовой пенсии псаломщика!

А в 1906 году крестьянину Тимофею Тинькову была объявлена архипастырская благодарность за пожертвование им в приходскую церковь креста с предстоящими Божиею Матерью и Иоанном Богословом, именуемого «Господа», а также иконы преподобного Серафима Саровского-

чудотворца и лампы для иконы «Тайная Вечеря». Общая сумма пожертвования составила 172 рубля.

Об иконе Серафима Саровского и её ценности для каждого храма хочется рассказать отдельно. Такая икона есть во многих храмах. Серафим Саровский — это святой, который своим уникальным примером являл людям чудеса веры, он всегда отличался особой любовью и почитанием к Богу и был одарён за все свои жизненные подвиги. Преподобный Серафим получил способность исцеления людей и начал предсказывать будущее, он знал абсолютно все детали будущих явлений и событий минувших дней и даровал всем нуждающимся жизненные советы, а также помогал в решении трудных ситуаций.

Эти дарения Тимофея Тинькова были очень ценны для храма и являлись предметами особого почитания среди верующих. Распятие Спасителя с предстоящими перед ним Богородицей и Иоанном Богословом во все века служило символом заботы о родителях, а Икона Святого Серафима Саровского несла прихожанам благодать и помощь от старца.

Надо отметить, что жертвенное сострадание вообще в крови у православного человека, и потому в сборе средств для помощи нуждающимся никто не оставался в стороне. Прихожане жертвовали по своим возможностям: имевшие больше, давали больше, бедные давали то, что могли и удостаивались не меньшей чести, чем богатые. В наших же селениях основная масса прихожан жила небогато, но и они с радостью откликались на призыв о помощи и делились тем немногим, что имели.

Борьба за трезвость

Церковь занимала важное место в жизни народа, она вела огромную религиозно-просветительскую и трезвенную работу. В журнале «Тамбовские Епархиальные Ведомости» часто печатали статьи об истоках такого порока, как пьянство, его вреде и необходимости исцеления человеческих душ от пороков.

Одна из таких статей называлась «Пьянство в России», она и поведала нам о том, что до 12-го века включительно на Руси не было пьянства. В статье говорится, что благоприятной почвой для распространения этого порока оказались обстоятельства монгольского периода, которые притупили народное самосознание. Однако, открытие в 1547 году в Москве первого «кабака» (татарское слово) произвело в народе ропот. Затем закрытый, но при царе Борисе вновь открытый, кабаки опять широко раскинул свои сети. «Многие семьями и обществами покупали вскладчину вино, делили его, и пьянствовали. При царе Михаиле Фёдоровиче кабаки были уничтожены, но заведены конторы с крупной продажей вина. Эти меры не оправдали надежд. Кабак — во всякой форме и есть кабаки. Нигде на Западе пьянство не

освящено так обычаями, как у нас в России». «Пьют из-за приятного ощущения, ради удовольствия, полагая, что без вина нельзя быть весёлым. Пьют люди не ради удовольствия, а как бы по делу, всюду везде дела, дела, вершая судьбу других, добиваясь успеха себе, отдавая долг чести и благодаря кого-либо. Наказывают на волостном суде провинившегося постановкой для мира водки, спрыскивая, поливая и запивая вином всякое общественное дело».

Православная церковь всегда была против чрезмерного употребления горячительных напитков, очень тревожилась по этому поводу и постоянно искала методы борьбы со злом пьянства.

В 80-е годы 19 века при церковных приходах стали появляться общества трезвости, их возглавляли местные священники. Считалось, что православная трезвенная работа может быть по-настоящему плодотворной только при церковном приходе, что только под благодатным воздействием Церкви возможно исцеление человеческих душ от пороков.

Появились такие общества и при наших храмах. В Копыле оно было открыто в 1891 году. Первоначально в общество трезвости вступило 31 человек, а в 1893 году оно насчитывало 42 человека. В Андреевке такое общество состояло из 20 прихожан, а в Александровке — из 30. К сожалению, количественный состав этих обществ был незначительным и составлял всего около 3-х процентов от численности мужского населения. Местные священники читали проповеди о вреде пьянства и всячески пытались образумить местных пьяниц.

Школы тоже принимали участие в борьбе с алкоголизмом, для чего они использовали все имеющиеся у них средства. На уроках русского чтения при всяком удобном случае детям указывалось на вред, приносимый человеку алкоголем, на отрицательное влияние пьянства на физическое и духовное развитие подрастающего поколения. Но, не смотря на все эти меры, жители наших сёл ничем не отличались от других поселений и в большинстве своем продолжали «попивать горькую».

Очень жёсткую позицию занимала церковь и в вопросе пьянства среди духовенства. За ведение нетрезвой жизни священнослужителей отстраняли от прихода с запрещением в священнослужении, впредь до раскаяния и исправления. По исправлении в поведении им опять предоставлялось право просить место в свободных сельских приходах. Если нетрезвая жизнь была соединена со многими предосудительными поступками, то священнослужителя даже могли предать суду. У провинившегося отбирали ставленную грамоту и подписку в том, что он обязуется более не именоваться священником, не преподавать благословения и не носить волосы и платье, присвоенных лицам духовного звания.

Встречались нам такие сообщения в Епархиальных ведомостях, которые говорили об отстранении некоторых священников от места за

нетрезвость и неисправность по должности, но по нашим приходам мы такой информации не встретили.

Церковно-приходские школы и попечительства

Церковно-приходские школы при церковных приходах стали появляться в самом начале 19 века. Основной их задачей было утверждение в народе православного учения, веры и нравственности христианской, а также сообщение первоначальных полезных знаний. Находясь в тесной связи с Церковью, церковные школы учили во всех обстоятельствах жизни обращаться к Богу, прославлять Его, благодарить и просить о помощи, воспитывали детей в послушании Церкви, любви к Отечеству и благоговейной преданности Государю.

Открывали эти школы служители церкви: священники, диаконы, и псаломщики. Специальных помещений для занятий не было, чаще всего они проходили в доме священника или другого служителя церкви, в кухне за тем же столом, за которым обедали. В основном, обучались мальчики. Ученики из соседних деревень, не имея возможность снимать комнаты, поселялись тут же на кухне и жили за печкой или на печке, помогая священнику по хозяйству. Учебников не было, все запоминали со слов учителя. Иногда школы размещались в церковных сторожках или заброшенных избах. В казенных деревнях ими ведал священник, в помещичьих — сам владелец имения.

Учебный год в школах был короткий: от конца осенних до начала весенних полевых работ (приблизительно с сентября по март). Заданий на дом не задавали, так как дети не имели возможности заниматься у себя дома, ведь тесные и тёмные крестьянские избы мало подходили для учебных занятий.

Школы эти делились на одноклассные с 2-х летним сроком обучения и двухклассные 4-х летние. В первых преподавали Закон Божий, чтение на русском и церковнославянском языках, письмо, арифметику, церковное пение; во-вторых, — те же дисциплины в расширенном объёме и историю. Обучение в церковно-приходских школах осуществляли священники, диаконы и дьячки, а также учителя и учительницы, окончившие преимущественно церковно-учительские школы и епархиальные училища, реже — учительские семинарии. Содержались эти школы за счёт средств церковного прихода, а некоторые из них имели попечительский совет.

Стараниями местного духовенства для обучения детей поселян были заведены такие школы и при наших двух храмах.

Достоверную информацию о том, в каком именно году появилась первая церковно-приходская школа в Копыле, мы, к сожалению, не нашли. Но из опубликованных в Епархиальных ведомостях сведений о начальных народных училищах мы узнали, что в 1868 году в Борисоглебском уезде уже

проводили обучение детей 33 школы (как они тогда назывались — училища), одной из которых и была школа в Копыле.

Средства на содержание этих школ поступали из разных источников. Две школы в Борисоглебске были в ведомстве Министерства Народного Просвещения, одна школа в Тихомирове содержалась за счет средств, поступавших от частных лиц. Сельские же школы существовали, в основном, за счёт средств, поступавших от общества крестьян, либо за счёт средств церковей и священно-церковнослужителей.

Из 33 школ по уезду по нашему благочинническому округу в 1868 году было всего 4 школы: в Архангельском, Никольском на Токае, Ростошах и Копыле. Из них, первые три содержались за счёт средств, назначенных обществом государственных крестьян. Школы в них помещались в общественных домах, и суммы на их содержание назначались «приговором» сельского общества. В среднем эта сумма составляла 177 рублей в год, из которых 100 рублей направлялось на жалованье наставнику, а 77 рублей — на содержание дома, в котором проводилось обучение, а также плату служителю и учебные припасы. Школа в Копыле относилась к числу школ «от церковей и священно-церковнослужителей». Средств на содержание этих школ не было вообще никаких.

Школа была бесплатная, мужская. В ней занимались дети местных крестьян. Это были 29 мальчиков от 8 до 13 лет. Никаких средств на свое содержание школа не имела. Она нуждалась в учебных пособиях и в руководствах по обучению. Школа помещалась в доме наставника, диакона села Копыл Василия Введенского. Училищным советом было отмечено, что занятия в школе проходили удовлетворительно, несмотря на то, что в помещении было «не совсем свободно». Наставник, Василий Введенский, имел семинарское образование, детей обучал «безмездно» (бесплатно) и «к делу своему был усерден». Он и был первым наставником в Копыле.

Следует сказать, что Василий Иванович Введенский поступил на службу в январе 1839 года в только что открывшийся при церкви села Копыл приход и прослужил там диаконом более сорока лет, до самой своей смерти.

Вообще к лицам, посвящаемым в диаконский сан, в то время предъявлялись определенные требования. Высочайше утверждёнными в феврале 1885 года правилами о составе приходов и причтов было установлено, что в диаконский сан могут быть посвящаемы воспитанники семинарии по окончании ими курса, а также и лица, по своим нравственным качествам и познаниям признанные епархиальным преосвященным достойными посвящения в сей сан. При этом было пояснено, что прохождение диаконского служения должно соединяться, по-возможности, с обязанностями законоучителя и учителя в начальных школах. Короче говоря, в диаконский сан возводились лица по благочестивой жизни и образованию, достойные служению в священном сане и надлежаще подготовленные к учительству в церковно-приходских школах.

В 1868 году решением Училищного Совета копыльская церковно-приходская школа была переведена на содержание за счёт земских сумм. Уже в следующем, 1869 году, для неё были выделены средства на приобретение учебных пособий.

А в 1872 году вновь поступившему молодому псаломщику Николаю Бокову довелось подыскивать новое место и обустроить его для школьных занятий, так как со временем количество учеников увеличивалось, и школа требовала уже больших учебных помещений.

Именно в копыльской школе и начинал свою трудовую и педагогическую деятельность Боков Николай Павлович, впоследствии Владыка Никодим, Епископ Астраханский и Енотаевский. Тогда, в 1872 году, после выпуска из Тамбовской духовной семинарии Николаю Павловичу было всего 22 года, он имел звание студента, то есть мог продолжить учёбу в Академии (что он и сделал позже), но первоначально его направили служить псаломщиком в наш Копыл. Вот строки из его биографии: «На первых порах по окончании семинарского курса пришлось занять место псаломщика и учителя в глухом степном селе Копыле Борисоглебского уезда. Много невыносимо тяжких и крайне изнурительных трудов пришлось вынести студенту Н.П. Бокову на этом первом месте своего общественного служения (по отысканию и устройству помещения для школы, приобретению самых необходимых предметов школьной обстановки). Но ещё труднее было дело самого преподавания в тесном помещении, наполненном едва ли не сотнею крестьянских ребятишек. Ревностный учитель, по его собственным словам, приходил из школы буквально разбитый и изломанный, с выскочившими из орбит или утонувшими в них глазами яблоками. Всё это происходило как от напряженных занятий среди удушливой атмосферы, так и от постоянно наклонного положения головы при наблюдении за учениками, сидевшими не за партами (их просто не было), а за двумя кое-как сбитыми досками. После невероятных усилий и хлопот была, наконец, приобретена приличная школьная обстановка... Но недолго пришлось студенту Н.П. Бокову быть псаломщиком и учителем в захолустном степном селе. Желание учиться в Казанской Академии заставило его искать место псаломщика в Казани с тем, чтобы одновременно быть студентом Академии».

Всего год Николай Боков прослужил в Копыле, но за это время успел сделать многое на школьном поприще, и даже побывал на учительском съезде в Тамбове, куда был командирован Борисоглебским училищным советом для слушания педагогических курсов.

А родился Николай Павлович 27 января 1850 года в селе Купля Шацкого уезда Тамбовской губернии в семье священника Павла Бокова. В возрасте восьми лет его отправили для обучения в Шацкое духовное училище, по успешном окончании которого он был переведён в Тамбовскую духовную семинарию. В 1872 году Николай Боков закончил богословский класс семинарии по первому разряду и был направлен, как мы уже знаем,

псаломщиком и учителем в Копыл. Именно у нас в Копыле впервые проявился его учительский и организаторский талант.

В 1873 году Николай Павлович был переведён в Казанскую епархию, рукоположен в сан священника и назначен на священническое место в село Кулаево Казанского уезда, где, благодаря его стараниям, в 1878 году была открыта сельская школа, в которой о.Николай был назначен законоучителем. На протяжении всего пути своего служения Николай Павлович обращал особое внимание на водворение школьного просвещения и в этом деле достиг блестящих результатов в качестве редкого, образцового законоучителя.

Одиннадцать лет прослужил Николай Боков в Кулаеве. В 1884 году был переведён священником в кафедральный собор города Казани, а в 1887 году в возрасте 37 лет он поступил в Казанскую духовную академию, которую окончил в 1891 году со степенью кандидата богословия.

Дальнейшая его судьба сложилась следующим образом: в 1892 году Николай Боков был назначен инспектором Тульской семинарии, а вскоре, в соответствии с обещанием, данным у гроба жены, принял монашеский постриг с именем Никодима. В 1893 году о.Никодим был назначен ректором Симбирской духовной семинарии. Служение его на этом поприще было достойно оценено Высшей Властью. В 1895 году архимандрит Никодим был назначен епископом Сарапульским, викарием Вятской епархии. Далее его перемещения по службе следовали одно за другим: в 1900 году он был назначен епископом Благовещенским и Приамурским, в 1906 году — епископом Рязанским и Зарайским, в 1911 году — епископом Полоцким и Витебским, а в 1913 году — епископом Астраханским и Енотаевским. Епископ Никодим скончался 13 марта 1914 года в возрасте 64 лет. Он стал последним из астраханских архиереев, нашедших своё пристанище в усыпальнице Успенского собора города Астрахани.

Николай Павлович Боков был прекрасным законоучителем, он неоднократно избирался депутатом на епархиальные и окружные учительские съезды духовенства. На учительско-законоучительских курсах в Казани в 1887 году Николай Павлович дал слушателям урок о душе, о Боге и Его свойствах. За этот образцово проведенный урок, а также за отличную постановку всего преподавания Закона Божия в своей школе комиссией по народному образованию Казанского земства о.Николай был аттестован, как «замечательный преподаватель Закона Божия» и представлен к награде Казанскому архиепископу. Надо отметить, что о.Николай от природы обладал выдающимся преподавательским талантом, который с годами не пропал, а продолжал развиваться на протяжении всего его служения, начиная с нашего Копыла, и принес много плодов в духовной жизни верующих.

Об этих фактах из жизни Николая Бокова мы узнали из письма священника церкви Животворящего Креста Господня села Кулаево Республики Татарстан Карпухина Александра Петровича. Именно он

прислал нам копию Астраханских епархиальных ведомостей за 1913 год, где излагаются биографические сведения о епископе Никодиме, в которых говорится, что он был в селе Копыле Борисоглебского уезда псаломщиком и учителем. О.Александр пишет: «Полагаю, что школу, в которой он должен был учительствовать, Николаю Павловичу пришлось самому и устраивать, то есть, он был первым учителем в вашем селе. Правда, на карте я нашёл ещё один Копыл на реке Вороне, тоже в Борисоглебском уезде, но там ничего не осталось сейчас».

Мы тоже нашли этот Копыл, который появился в Мучкапской волости на карте Борисоглебского уезда в 1914 году. До этого периода в Борисоглебском уезде был только один Копыл с церковным приходом, входящим в состав 4-го Борисоглебского Ростошинского благочиннического округа. Сомнений нет, что Николай Боков служил именно в нашем храме. Это подтверждают и его подписи в метрических книгах. «Мы собираем сведения о епископе Никодиме, — пишет далее о.Александр, — и хотим совершать паломничества по местам его жизни и служения». Конечно, нет в помине ни той церкви, где служил псаломщиком о. Никодим, ни школы, где он учительствовал, но его труды в церковно-школьном деле — это значительная страница в многолетней истории нашего храма и нашего поселения.

Конечно, Василий Введенский и Николай Боков были не единственными наставниками в копыльской церковно-приходской школе, были и другие учителя. Священник Иоанн Боголюбов, сменивший в 1879 году на посту служения своего отца, о.Владимира, до поступления в семинарию, также несколько лет исполнял обязанности учителя в местной церковно-приходской школе. И ещё одна фамилия встретилась нам в епархиальных ведомостях того времени — это Василий Пастушков, который учительствовал в церковно-приходской школе Копыла до 1908 года, а затем был определён псаломщиком в Воронцовку Тамбовского уезда.

В 70-х годах 19 века, а также в последующие годы продолжали открываться школы и при других церковных приходах.

В соседней Александровке церковно-приходская школа была открыта только в 1884 году. Вся забота по обустройству школы и организации процесса обучения легла на плечи местного священника Николая Богословского, который сменил на посту служения Павла Магнитского, умершего в августе 1884 года (хотя, вероятно, что и о.Павел приложил к этому руку). Стараниями о.Николая в 1891 году в воспитательном и учебном отношениях александровская школа была отнесена к числу наиболее благоустроенных в нашем округе, наряду с дерябкинской и полетаевской школами. К сожалению, о.Николай рано ушёл из жизни, прослужив в данном храме всего 16 лет. Он скончался в 1900 году в возрасте 56 лет. За время своей службы о.Николай состоял законоучителем в местной церковно-приходской школе и двух школах грамоты в деревнях. В 1901 году после

смерти о.Николая службу пастыря в александровском храме продолжил его сын — Дмитрий Богословский, ревностное отношение которого к школьному делу не раз отмечалось Епархиальным начальством.

Особенно было продвинуто вперед в этой школе церковное пение. Такой оценки в 1914 году в нашем округе удостоились всего 5 церковно-приходских школ, в том числе и александровская. Руководство училищного совета связывало это с тем, что наставники этого предмета в школах побывали на курсах пения в городе Борисоглебске в 1913 году. Как отмечено в отчёте Тамбовского Епархиального Училищного Совета, почти во всех этих школах было организовано 2-х и 3-х голосное пение, разучена литургия простого напева, усвоены воскресные тропари 8 гласов и тропари двенадцатых праздников. А учащиеся александровской церковно-приходской школы под руководством своего учителя своими силами несколько раз отправляли литургию в храме. Фамилии учителей в отчёте, к сожалению, не указаны, но церковное пение в школах в то время вели в основном псаломщики, очень редко — сами священники или даже диаконы. Псаломщиком в храме с 1910 года служил Аристов Иван, вероятно, именно его стараниями и добилась школа такого успеха в церковном пении. Кстати, нужно сказать, что до назначения его псаломщиком, Аристов Иван более 3-х лет также исполнял обязанности учителя местной церковно-приходской школы.

Несмотря на отдельные успехи в обучении, посещение школы учениками не отмечалось аккуратностью и главной причиной этому были различные домашние работы: заготовка топлива, уборка скота, болезни, плохая погода, неимение тёплой одежды и обуви, дальность расстояния и распутица. Распространёнными болезнями были брюшной и сыпной тиф, корь, дифтерит, коклюш, скарлатина, оспа, свинка, а в некоторых местах даже и холера. Детская смертность в то время была очень высокая: около пятидесяти процентов детей не доживали до 5 лет, из них тридцать процентов умирали в младенчестве, не прожив и года.

Независимо от этих обстоятельств, церковно-приходские школы продолжали развиваться и количество учеников в них росло. Так, по данным 1893 года в церковно-приходской школе села Копыл обучались 73 ученика, а в селе Александровка — 79 учеников. В обоих селениях были открыты попечительские советы под председательством местных священников.

Такие советы открывались согласно указа Императора Александра для помощи причтам в поиске средств для решения финансовых вопросов. В круг обязанностей церковно-приходских попечительств входили забота по ремонту и украшению храмов, благотворительность и материальная поддержка приходских причтов, а также создание церковно-приходских школ и удовлетворение их хозяйственных нужд. Попечительства изыскивали средства на постройку и ремонт школ, на отопление их и наём прислуги, на приобретение учебников и письменных принадлежностей, и основным их

источником являлись добровольные пожертвования прихожан или других посторонних лиц.

В селе Копыл церковно-приходское попечительство было открыто в 1895 году под председательством священника Иоанна Боголюбова. В состав попечительского совета кроме заведующего школой (настоятеля прихода), входили ещё 11 членов. Обычно это были учителя, представители земства, а также выборные лица православного вероисповедания из местного населения, в основном, купцы. В 1899 году председателем церковно-приходского попечительства был избран Борисоглебский мещанин Яков Немцов. Попечительство состояло из восьми человек.

В Александровке церковно-приходское попечительство было открыто раньше, в 1875 году, и состояло из восьми крестьян этого же села. Председательствовал крестьянин Дмитрий Назаров.

В этом же году было открыто церковно-приходское попечительство в селе Андреевка под председательством приходского священника Евтихия Новоспасского с двумя членами из крестьян — Данилой Крючатовым и Филимоном Замотаевым. В 1892 году о.Евтихия опять утвердили в этой должности, а членами попечительства избрали крестьян Аксёна Гомазова и Ивана Карпушина. В 1895 году председателем церковно-приходского попечительства был избран хорошо известный нам дворянин Александр Поляков. При нём попечительство состояло из трёх человек.

А вот информацию о существовании приходской школы в Андреевке мы, к сожалению, так и не нашли. Школа не упоминается в сведениях, представленных в справочной книжке по Тамбовской епархии, ни за 1893, ни за 1902 годы. Кроме того, в Тамбовских епархиальных ведомостях ни разу не встретилось распоряжение о назначении законоучителями местных священнослужителей.

Возможно, это объясняется тем, что село Андреевка изначально было помещичьим, где до 1860 года школьными делами ведал не священник, а сам владелец имения. После отмены крепостного права численность крестьян в Андреевке оставалась практически неизменной, тогда как в Александровке и Копыле количество жителей с годами заметно увеличивалось. К 1876 году жителей в Андреевке было 1451 человек, что на треть меньше, чем в Александровке и Копыле, а к 1911 году — меньше наполовину. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии, изданное канцелярией Тамбовской духовной консистории в 1911 году, поведало нам о том, что и в 1911 году в Андреевке было только церковно-приходское попечительство, тогда как в Александровке имелась церковно-приходская школа и попечительство, в Копыле — земская и церковно-приходская школы и попечительство. И это несмотря на то, что с 1861 по 1923 годы Андреевка была волостным центром в Борисоглебском уезде.

Председатель андреевского церковно-приходского попечительства отставной поручик Александр Николаевич Поляков очень радел о

благополучии местного прихода. Внушительной сумме в 10 500 рублей, пожертвованной им в 1902 году, по распоряжению Его Преосвященства было дано такое назначение:

- одна половина капитала — 5 000 рублей поступала на вечное время в собственность церковно-приходского попечительства при приходской церкви села Андреевка (с деревнями Бегичево и Надеждинка) Борисоглебского уезда;
- другая половина — 5 000 руб. поступала на вечное время в собственность церковно-приходского попечительства при приходской церкви села Александровка (с деревнями Буравцова и Семигорки) того же уезда;
- 500 рублей поступали в собственность миссионерско-псаломщической школы при Тамбовском Казанском монастыре (архиерейском доме) и были зачислены в неприкосновенный капитал этой школы.

Из части этих сумм по рекомендациям приходских священников, попечительствами раздавались пособия беднейшим семействам приходов к праздникам Рождества Христова и Святой Пасхи. Другой частью распоряжался священник, заведующий церковно-приходской школой. Из неё по 20 рублей под Рождество и Пасху выдавали учителю школы, в виде пособия-награды, сверх получаемого им казённого содержания, а остальные — около 66 рублей, по соглашению с учителем, распределялись между беднейшими, но благонравными учениками школы. Правда, деньги эти не выдавались им на руки, а использовались через родных на приобретение потребных им вещей в виде шапок, сорочек, обуви и прочего.

В 1904 году отставной поручик Поляков был удостоен архипастырской Его Преосвященства благодарности «во внимание отлично усердной церковно-школьной службы в 1902/1903 учебном году».

Земские школы в сельской местности стали появляться после учреждения земств, начиная с 1864 года. Земства содержали эти школы за счёт своих средств, но не имели права вмешиваться в их учебно-воспитательную деятельность: издавать программы, учебники и учебные пособия, назначать учителей и прочее. Они даже не всегда обеспечивали свои школы специальными школьными зданиями. Большинство школ размещалось в вольнонаёмных помещениях, чаще всего в крестьянских избах, почти совсем не приспособленных для учебных занятий. Основной задачей этих школ признавалось сообщение ученикам устойчивых навыков грамотности. Земства же, в основном, занимались решением финансово-хозяйственных вопросов: сбором средств от сельских обществ на постройку и содержание школ, наймом помещений под школы, снабжением школ хозяйственным оборудованием, топливом и т. п.

В нашем уезде земские школы стали появляться в 1867 году после того, как Борисоглебская Уездная Земская Управа своим постановлением от 22 сентября 1866 года определила открыть земские школы, где были назначены учителя. Постановление гласило: «С будущего 1867 года открыть при всех

церквах Борисоглебского уезда земские школы с содержанием на каждую 70 рублей в год, из которых — 50 руб. на жалование наставнику, 10 руб. на учебные пособия и 10 руб. на квартиру, которая по усмотрению наставника может находиться или в собственном его доме, или по найму от него». Причём содержание от Земства выдавалось только тем школам, где было не менее 25 учащихся, а наставниками в этих школах могли быть только священники и диаконы, прочие же наставники должны были иметь на право обучения свидетельства от Уездного Учительского Совета.

В наших селениях земские школы появились значительно позже, где-то между 1893 и 1902 годами. Об этом говорят материалы, представленные в Справочной и памятной книжке по Тамбовской епархии. Так вот, по информации, размещённой в этих справочниках, в 1893 году в Копыле и Александровке были только церковно-приходские школы. В 1902 году в Копыле наряду с церковно-приходской школой с 29 учениками уже существовала и земская школа с двумя классами, где обучалось 100 учеников. В александровской церковно-приходской школе обучалось 70 учеников, но уже была организована школа в Буравцовке, где грамоту постигали 24 ученика, и в Надеждинке — 32 ученика. Что же касается конкретно Копыла, то земская школа, вероятнее всего, здесь была открыта в конце 1897 — начале 1898 года, подтверждением чему служит опубликованное в 1897 году в декабрьском номере Епархиальных ведомостей объявление об утверждении законоучителем земской школы священника Иоанна Боголюбова.

Открытие земских школ также ложилось на плечи духовенства. Тамбовская Духовная Консистория требовала от уездного духовенства, «чтобы оно озаботилось заведением в своих приходах школ, где таковых доселе не было открыто, равно и о поддержании уже существующих, с потребным числом учащихся». А благочинным вменялось в обязанность принять в этом деле активное участие и в последующем доносить Консистории, при каких именно церквах, кем из священнослужителей и с каким числом учащихся будут открыты школы.

Особую меру к поддержанию школьной дисциплины и доброго настроения в школьниках считалось чтение пред уроками, так называемой памятки из книги для чтения А.Радонежского. Вот она:

«Каждый день, как и всякое дело, начинай и кончай молитвою.

Знай и помни дни праздников церковных, высокаторжественные дни, день твоего Ангела и твоих родителей. В эти дни ходи в церковь.

В церкви стой прямо, не глазами по сторонам, не разговаривай, крестись истово; старайся во время богослужения читать, петь и прислуживать.

Проходя мимо церкви, часовни, кладбища, помолись или, по крайней мере, набожно перекрестись.

Будь вежлив и почтителен к старшим. При встрече со священником, сняв шапку, подойди под благословение; при встрече с другими церковно-

служителями, а также с начальником, учителем, старшиною, сними шапку и поклонись.

Утром ласково приветствуй своих родителей и старших в семье словами: «здравствуйте! доброго утра или дня». Благодарю за обед, ужин, чай. Отходя ко сну, желай покойной, доброй ночи.

Береги книги, одежду, обувь; разодравшуюся починяй. Вообще не надейся на услуги других, а приучайся делать всё сам. Соблюдай чистоплотность и опрятность: не пачкай книг, тетрадей, опирай перья, умывай руки; одежду и обувь, какая бы она ни была, очищай от пыли и грязи.

Помни всегда, что грамотный мальчик от неуча отличается кротостью и скромностью. Будь уступчив, избегай ссор, драк и — Боже тебя избави! — браниться срамными словами.

К старшим, больным, несчастным, не только людям, но и животным, будь всегда сострадательным и участливым. Услужи, помоги, чем знаешь, утешь хоть ласковым словом.

И Господь тебя благословит и помилует».

Читалась ли эта «Памятка» в наших школах, и, если да, то какое влияние она производила на учащихся — нам неизвестно. Но, возвращаясь в сегодняшний день, стоит сказать, что чтение школьникам подобной «Памятки» было бы весьма полезной и в наше время.

Одним из основных предметов, как в церковно-приходской, так и в земской школах, был Закон Божий. Преподавателями Закона Божия, законоучителями, являлись, прежде всего, священнослужители или другие члены причта. Состав Закона Божия, как предмета преподавания, в основном слагался из церковных молитв, священной истории, объяснения богослужения и катехизиса, который представлял собой краткое изложение христианского вероучения в виде вопросов и ответов. Дети должны были выучиться читать богослужебные книги на церковно-славянском языке, запоминать наизусть важнейшие молитвы, символ веры и десять заповедей. Законоучитель следил, чтобы ученики исповедовались и причащались.

Законоучителями в копильской школе назначались в разное время священники: Иоанн Боголюбов, Василий Лебедев и Николай Праволамский. Иоанн Владимирович Боголюбов совместно с благочинным нашего округа, священником села Полетаево Владимиром Знаменским долгое время входили в состав Борисоглебского отделения Епархиального училищного Совета. Старания о.Иоанна в преподавании в церковно-приходской школе были по заслугам оценены епархиальным начальством. В 1895 году ему была объявлена благодарность за усердие и внимательное отношение к делу преподавания в церковных школах. В 1904 году благодарность за отлично-усердную церковно-школьную службу была объявлена ещё одному священнослужителю села Копыл — диакону Георгию Антоновичу Александровскому.

Наставниками в земских школах были не только священнослужители, довольно часто учителями в них становились дети местных священников. Так из биографических очерков священника В.А.Разумова нам стало известно, что какое-то время в копыльской земской школе учительствовала дочь священника из Ростошей Павла Ивановича Предтеченского — Евгения, а другая его дочь — Серафима учительствовала в земской школе в Ростошах. Известны и некоторые другие фамилии преподавателей земских школ. Так в метрических книгах села Копыл за 1883–1885 годы упоминается имя учительницы Марии Фёдоровны Мерцаловой, а за 1898–1900 — земского учителя Гавриила Никоноровича Сопрыкина, временно проживавшего с семьёй в Копыле; в 1902-1913 годах обучала детей грамоте Анна Павловна Благодатова.

После Октябрьской революции 1917 года церковно-приходские школы были ликвидированы. Земские школы и другие учебные заведения сначала перешли в ведение Народного Комиссариата Просвещения, затем им было присвоено наименование «единая трудовая школа», а в 1918 году они были и вовсе упразднены.

Раскол. Гонения на Церковь

Большевики с самого начала не скрывали своего враждебного отношения к религии вообще и к Православной церкви в частности. Первые несколько месяцев они активно не вторгались в её деятельность и не чинили препятствий, не считая Декрета о земле, конфисковавшего церковные земли. Но уже в 1918 году был принят Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, лишивший её прав юридического лица и собственности, и объявивший религию частным делом граждан. Духовенство было лишено государственного обеспечения, а в связи с изъятием Закона Божьего из программ общеобразовательных учебных заведений оно было отстранено от преподавания в них. Имущество церквей и религиозных обществ было объявлено народным достоянием. Декрет положил начало разграблению храмов и монастырей, при этом нередко приходилось преодолевать упорное сопротивление верующих, что зачастую вело к кровопролитию. Согласно этому Декрету местные советы должны были в течение 2-х месяцев изъять всё церковное имущество и капиталы. Храмы и богослужебные предметы было разрешено передавать в пользование «общинам верующих» по описи на основании договора с советом, составленного по специально разработанному образцу.

В июле 1918 года была принята первая советская конституция, согласно которой «монахи и духовные служители церквей и религиозных культов», наряду с некоторыми другими категориями населения, вообще лишались избирательных прав.

Кроме того, большевики проводили резкую антирелигиозную пропаганду, направленную на очернение социального служения духовенства и уничтожения его значения в жизни общества, учили, что церковь — это учреждение, дурманящее простой народ.

Центральное место в ряду мер разоблачительного характера заняла развернувшаяся кампания вскрытия мощей святых Русской православной церкви. В 1919 году было принято постановление об организации вскрытия мощей святых на территории России, а в 1920 году — о ликвидации мощей во всероссийском масштабе. В результате этой кампании было вскрыто 65 раков с мощами российских святых, в том числе и особо почитаемых, таких как Серафим Саровский и Сергей Радонежский. Кампания имела своей целью попытку разоблачения данного культа. Вскрытия сопровождалась фото- и киносъемкой, материалы которой затем использовались в агитационных целях.

В начале 1922 года большевики, перешли к этапу активной борьбы с Церковью, которая рассматривалась ими как крупнейший очаг внутренней «контрреволюции». В феврале 1922 года вышел декрет об изъятии церковных ценностей, уже находившихся в пользовании групп верующих. В пользу государства изымались находившиеся в храмах всех конфессий изделия из драгоценных металлов и драгоценные камни. Изъятию также подлежали предметы, предназначенные исключительно для богослужбных целей (священные сосуды), что ставило в очень сложное положение духовенство и вызывало сопротивление прихожан. Вся эта кампания проводилась под предлогом борьбы с массовым голодом в Поволжье и других регионах и сопровождалась репрессиями против священнослужителей.

Религиозная политика государства была направлена на искоренение религии, как несовместимой с марксистской идеологией, но сразу рубить по живому не решались, опасаясь массовых выступлений. Тогда решили расколоть православие изнутри.

Раскол возник в мае 1922 года, когда при поддержке органов Советской власти группа православного духовенства, взявшая название «Живая церковь», попыталась отстранить от церковного управления председателя Русской православной церкви Патриарха Московского и всея Руси Тихона. Государственные деятели стали активно поддерживать и поощрять это движение, названное обновленчеством, которое и было использовано большевиками для раскола церкви.

Особая роль в разжигании раскола была уготована ГПУ. На первом этапе раскольники выдвигали ряд реформаторских идей, но главным содержанием обновленческого движения было признание справедливости совершившегося в стране социального переворота, соглашательство с новой властью в Советской России и активное сотрудничество с ОГПУ. Основным отличием обновленцев от «тихоновцев», как стали называться православные

в то время, было стремление приспособиться к советской власти и ей служить.

К слову сказать, немалая часть духовенства поддержала это движение, надеясь на облегчение службы, на поправки священникам, на стирание церковных канонов, но другая часть — непреклонно стояла на своём. Многие священники не знали, как поступить: удерживать приходы в старых правилах или податься к обновленцам и обратиться к новым. Некоторые священнослужители, особенно в глубинке, подписывали документ о переходе к обновленцам с надеждой, что власть к ним будет более лояльна, а на местах продолжали служить, как и прежде, согласно канонам.

Обновленцы говорили, что не нужен патриарх и церковный феодализм, а нужна церковная демократия. Они рушили вековые церковные устои: изменяли молитвы, меняли церковный устав, монашество отрицалось, а епископы обновленцев женились.

Обновленчество быстро распространялось. К концу 1922 года в Русской православной церкви обновленцы смогли занять две трети из 30 тысяч действовавших в то время храмов, а в Борисоглебском уезде было официально зафиксировано 221 человек священнослужителей-обновленцев.

В это время были обновленцы и в наших храмах. В государственном архиве Тамбовской области сохранились документы со списками священно- и церковнослужителей Борисоглебского уезда. Все лица, поименованные в списках, состояли в обновленческом расколе, каждый из которых заполнил анкету с 14-ю вопросами. Среди них есть и знакомые нам фамилии: священник села Красный Лог Боголюбов Иван Афанасьевич и священник Аристов Андрей Иванович, служившие ранее в Копыле псаломщиком и диаконом. В списках также значится протоиерей села Копыл Алешковский Михаил Александрович, служивший в должности диакона, 42-х лет от рождения и псаломщик Калятин Никифор Никанорович, 48-ми лет от рождения, которые, судя по анкете, тоже служили в копыльском храме. Возможно, были обновленцы и в александровском храме — в списках есть несколько фамилий священнослужителей без указания названия церкви и благочиннического округа, фамилий, нам ранее не знакомых, но объединявших полный штат служителей церкви: священника, диакона и псаломщика. Вот это последнее обстоятельство и вызывает у нас сомнение, ведь мы знаем, что вплоть до 1930 года священником в храме служил Дмитрий Богословский, хотя в то время могло быть всякое. А фамилии были такие: Булгаков Григорий, Алгебраистов Фёдор и Ведищев Александр.

В оправдание состоящих в 1922 году в обновленчестве лиц, можно сказать, что в этом году противостояние между патриаршей Церковью и новыми раскольниками не было ещё очень сильно и, даже можно сказать больше, анафемствования со стороны Святейшего патриарха Тихона ещё не были произнесены. Патриарх высказался о расколе только после своего выхода из заключения в июне 1923 года. Таким образом, в 1922 году

отношение к обновленцам («Живой церкви») ещё не было сформулировано и нахождение в этой партии ещё не ставило её членов в раскол.

К 1925 году в отчетах ОГПУ «тихоновское» течение окончательно характеризуется как враждебная советской власти группировка. В сводках указывается, что «попы не ограничиваются своей основной деятельностью, а занимаются критикой поведения советской власти в отношении религии и церкви, а также прямой антисоветской деятельностью». К тому времени грабёж храмов, их закрытие и уничтожение стали обычным делом. Активисты в деревнях ходили по домам, уговаривая снять иконы, а вместо них вешали портреты правителей тех лет. В такой обстановке священнику стоило больших усилий оставаться вне политики, понимая, что только это может спасти Церковь.

В результате проведения общего жёсткого курса на уничтожение религиозной жизни в СССР власти, на первых порах поддерживающие раскольников, к началу 30-х годов фактически перестали делать различия между обновленцами и «тихоновцами». Так что обновленцы, надеявшиеся в обмен на свою лояльность получить всестороннюю поддержку, жестоко обманулись. Обманулись и большевики, ожидая от обновленцев помощи в борьбе с врагами революции, и к концу 30-х годов обновленчество постепенно пришло к развалу.

В итоге к началу войны 41-го года, обновленцев осталось единицы, а вскоре после Великой Отечественной войны обновленчество как течение прекратило своё существование, и все обновленческое духовенство вместе со своими приходами влилось в Русскую православную церковь.

Но в 1927 году это движение ещё имело силу. Из архивных документов мы узнали, что в это время весь личный состав Борисоглебского Викариального управления Тамбовской Епархии принадлежал к *обновленческому* течению. В него входили:

1. Певницкий Константин Михайлович, священник, из духовных,
2. Боярский Николай Васильевич, священник, из крестьян,
3. Петров Афанасий Петрович, служащий, бухгалтер, из мещан.

Все трое к данному культу присоединились ещё в 1922 году.

Однако из 92 церквей Борисоглебского уезда только девять принадлежали к обновленческому течению, да и то не из нашего благочиния. Наши приходы по-прежнему придерживались «тихоновского» направления, хотя существует предположение, что и они на какое-то время переходили к обновленцам. Такое мнение прозвучало в документальном романе Михаила Фёдорова «Человек Чернозёма», описывающем жизнь и служение Николая Семёновича Троепольского, бывшего благочинным нашего округа в 20-х годах.

Со слов автора, реформаторские идеи обновленцев, которые они выдвигали на первом этапе своего движения, смутили тогда многих представителей духовенства. Значительная часть приходов в этот период

стала переходить в лоно живицкой церкви, а батюшки, которые остались при старых взглядах, оказывались в меньшинстве. Переходу способствовало давление властей, которые поддерживали обновленцев, а также жестокие репрессии, организованные против «тихоновского» духовенства.

Поддались соблазну и приходы нашего 4-го округа. А когда большевики принялись разорять храмы, выносить оттуда ценности, и такую власть поддержали обновленцы, для многих священнослужителей всё перевернулось. Автор пишет: «В приходах 4-го округа обновленческая церковь затрещала по швам. Прихожане запросились назад в старую, благословенную, отеческую церковь, хранившую чистоту веры. С ними был их благочинный отец Николай Троепольский, он объезжал сёла и собирал у батюшек подписки, что они возвращаются в «тихоновщину». Далее автор пишет, что о.Николай ездил по приходам, принимал покаяние и возвращал людей и священников в старую церковь. «Приходы подписывались: возвращаемся к былой «тихоновской» церкви, и гнали с порога проезжавших обновленческих епископов».

В 1930 году отец Николай был арестован, а на вопрос следователя НКВД — уходили ли вы к обновленцам? — ответил: «Было такое. Я и весь мой благочинный округ примкнули к ним. Но потом верующие воспротивились. И приходы стали уходить к тихоновцам. ... и большая часть приходов вернулась».

Насколько достоверно то, что изложено в романе — сейчас трудно судить. Все ли наши приходы уходили к обновленцам, или не все, теперь это уже неважно; одно очевидно — время было сложное, и разобраться во всём было непросто, да и не сразу мы в жизни что-то постигаем.

К чести нашего народа надо сказать, что он в большинстве своём не принял обновление. ГПУ в своих секретных сводках отмечало, что раскол в церкви, расколовший духовенство, практически не коснулся верующей массы, она по-прежнему оставалась верна старым традициям. В храмы, где службы совершали раскольники — а их службы отличались от канонической — народ не ходил, и они вынуждены были закрываться. В одном из воронежских храмов силой заставили петь на клиросе монашек, но они никогда не исповедовались и не причащались у раскольников.

Что же касается служителей церкви, то не нам их судить. Каждый человек имеет право на ошибку, главное — вовремя её осознать. Мудрые люди советуют: «Прежде, чем осуждать и обсуждать кого-то, возьми его обувь и пройди его путь, попробуй его слёзы, почувствуй его боль, наткнись на каждый камень, о который он спотыкался. И только после этого говори, что ты знаешь, как правильно нужно жить». И это правда. На священнослужителях лежала огромная ответственность за свои приходы, они пытались, как могли поддержать своих прихожан, призывая набираться терпения и молиться, ведь молитва — самое надёжное утешение в несчастье, пытались защитить свои храмы от разрушения и просто пытались выжить.

В начале 30-х годов было увеличено налоговое обложение церковнослужителей, в случае неуплаты налогов их имущество конфисковывалось, а сами они выселялись в другие районы СССР. Многим священникам такой налог был не по силам, и за неуплату их облагали большими штрафами. Были случаи, когда батюшки обращались за помощью к селянам, и прихожане вскладчину оплачивали их долги.

Дальше было ещё хуже. Священнослужителей арестовывали по ложным доносам, обвиняя в антисоветской деятельности, допрашивали, требовали признаний. Судов чаще всего не было, дела рассматривались во внесудебном порядке судами-тройками. По результатам рассмотрения дел кого отправляли в лагеря, а кого — расстреливали. Храмы закрывались. Но за свои приходы боролись приходские общины, на место сосланного или убитого священника рукополагался вчерашний прихожанин, наградой которого опять были всевозможные лишения, голод и жестокие притеснения. В итоге к концу 30-х годов на территории Тамбовской епархии не осталось ни одного действующего прихода. В 1938 году был расстрелян последний предстоятель Тамбовской епархии архиепископ Венедикт (Алентов).

В заключение описываемого периода хотелось бы немного рассказать о жизни священно-служащих. Во все времена исполнять своё пастырское служение было непросто. Холодные, неотапливаемые зимой храмы были источником различных заболеваний, простуды, ревматизма. Многие умирали, не дожив до старости. Кроме немногих в каждой епархии причтов, все остальные вообще терпели крайнюю нужду, а иные даже находились в положении близком к нищете. В малочисленном приходе жизнь батюшки ничем не отличалась от жизни крестьян, он часто влачил жалкое существование, спасала лишь земля и скотина. Бывали просьбы перевести на более доходный приход в связи с тем, что семья очень большая, а средств не хватает, но просьб о снятии сана мы не встречали. Священники оставались верными Богу и достойно несли свой крест.

Закрытие приходов

В государственном архиве Воронежской области в фондах административного отдела Борисоглебского уездного исполкома мы нашли интересный документ, датированный 1927 годом. В нём представлены характеристики всех церквей Борисоглебского уезда, с приложением списка служителей культа по каждой. Документ подписан начальником административного отдела Борисоглебского уездного исполкома, начальником милиции уезда Григорьевым.

Уже тогда эти сведения собирали с определённой целью. Позже на их основании окружные исполкомы выносили постановления о закрытии церквей и использовании зданий последних под культурно-просветительные учреждения, для чего и требовалось указать число верующих данного культа,

у которого предполагалось изъять здание и ближайшую церковь такого же культа, где группа, у которой будет изъята церковь, может отправлять свои культовые обязанности.

В списках служителей культа были подробно описаны по всему штату: место рождения и место жительства, общественное и служебное положение за время с 1914 года, принадлежность к тому или иному сословию до революции, имущественное положение, время присоединения к данному культу, а также время начала служения в данной церкви и звание. Согласно архивным документам в состав Борисоглебского уезда в 1927 году входили 92 прихода, в том числе и три наших.

АЛЕКСАНДРОВКА. К тому времени деревянное здание александровской церкви, выстроенное в 1870 году, было ещё вполне исправным. Никаких построек при церкви не имелось. Прихожан насчитывалось около 3000 человек, но при службе церковь посещали в среднем 100 человек. Служба в церкви совершалась только по праздникам, а ближайшая церковь такого же культа находилась в селе Копыл на расстоянии 5 вёрст (так указано в документе).

В сведениях отмечено, что церковь принадлежит к «тихоновскому» течению, что никакого религиозного общества нет, а есть только группа верующих, которой в апреле 1922 года по договору были переданы здание церкви и всё церковное имущество. На момент составления сведений на передачу церкви и имущества по договору имелись подписи 13 граждан. По церкви задолженности нет (теперь трудно судить о какой задолженности шла речь).

Штат служителей культа был невелик и состоял из священника и псаломщика. Священник Богословский Дмитрий Николаевич, 48 лет от рождения, уроженец села Крутого Лебедянского уезда Тамбовской губернии. До революции он принадлежал к духовному сословию. Из имущества имел дом и домашний скот. Присоединился к данному культу и служил в данной церкви священником с 1901 года. Псаломщик Гончаров Алексей Петрович, 21 года от рождения, уроженец села Сергиевка Пичаевской волости Борисоглебского уезда. До революции принадлежал к духовному сословию. После 1914 года — псаломщик. Учился в духовной школе, имущества не имел. Присоединился к данному культу и служил в александровской церкви псаломщиком с 1924 года. Оба проживали в Александровке.

В 1930 году о.Дмитрия нашли убитым. Как выяснилось, когда он шёл со службы, на него напали грабители, а после того, как он их узнал, — просто избавились от ненужного свидетеля. Надо сказать, что ещё в 1921 году о.Дмитрия вместе с двадцатью другими жителями Александровки пытались обвинить в причастности к бандитизму, и даже было заведено следственное дело. Правда, установить его виновность не удалось, и все обвинения с него были сняты. После смерти о.Дмитрия на службу в Александровку приходилось ездить благочинному нашего округа,

священнику села Новоспасское на Елани Троепольскому Николаю Семёновичу. В 1930 году Николай Семёнович был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и в 1931 году расстрелян в Борисоглебске вместе с девятью другими священниками из нашего округа. После него в александровской церкви, по словам сельчан, служил о.Василий (фамилия священника, к сожалению, не сохранилась), который также стал жертвой репрессий в 30-х годах.

В 1938 году церковь в Александровке прекратила свое существование, а её здание было переоборудовано под школу.

АНДРЕЕВКА. Последнее упоминание о Казанской церкви, находящейся в Андреевке, мы нашли в Тамбовских епархиальных ведомостях за 1917 год, когда там были произведены очередные назначения. Долгое время мы не могли отыскать никаких свидетельств, подтверждающих дату закрытия этой церкви, ошибочно считая, что церковь разрушили вскоре после революции. Эту версию, до сих пор блуждающую на просторах интернета, косвенно подтверждали и архивные документы — в перечне церквей Борисоглебского уезда за 1927 год Казанская церковь в Андреевке уже не значилась.

Однако, неожиданно для нас, в этом же документе появилась Казанская церковь в Надеждинке. В характеристике данной церкви отмечено, что она находится в селе Бегичево и Надеждинка при коммуне «Новая Деревня» Пичаевской волости Борисоглебского уезда. Правда, указано, что здание выстроено в 1820 году, а не в 1813, но в документах тех лет было немало неточностей, и даже ошибок, в чём нам пришлось не раз убедиться, изучая материалы архивных фондов. Кроме того, в справочниках по Тамбовской епархии за 1893, 1902 и 1911 годы ни в Бегичеве, ни в Надеждинке церковь не значилась, зато была в Андреевке, а две означенные выше деревни входили в её приход. Так что в том, что это наша андреевская церковь — сомневаться не приходится.

Теперь вернёмся к описанию. В документе отмечено далее, что со временем здание церкви расширили, то есть увеличили, а в 1891 году при храме уже построили новую колокольню. К 1927 году деревянное здание церкви ещё было довольно крепким и находилось в хорошем состоянии. При церкви имелась сторожка из 3-х комнат, где проживал церковный сторож и даже проводили часть служений. Сторожка, как говорится в документе, находилась вне ограды, но на аршин была ею захвачена. Религиозной общины, как отмечено в сведениях, при храме нет, есть только группа верующих, которой 28 апреля 1922 года и было передано по договору здание церкви с караульным помещением. Под договором на передачу церкви и имущества имелись подписи 26 человек. Церковь принадлежала к «тихоновскому» течению и имела около 2200 прихожан, но посещали её при богослужениях в среднем около 70 человек. Служба в церкви совершалась

регулярно по праздникам, ближайшая церковь того же культа находилась в селе Павловка Пичаевской волости на расстоянии 4-х вёрст.

Штат служителей культа состоял из священника и псаломщика. Священник Ледовский Иван Фёдорович, 28 лет от рождения, уроженец села Копыл Ростошинской волости Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, из крестьян, с 1914 года учился в духовной семинарии, к данному культу примкнул с 1917 года, а уже с 1924 года служил священником в данной церкви. Проживал в Надеждинке, из имущества имел избу и домашний скот. Псаломщик Федюнин Сергей Максимович, 41 года от рождения, уроженец села Копыл Ростошинской волости Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, из крестьян. К данному культу примкнул с 1926 года, когда и был назначен псаломщиком в данную церковь. Проживал в Надеждинке, имущества не имел.

В 1931 году, в период разгула репрессий против священнослужителей, Ледовский Иван Фёдорович был арестован и приговорён к 10 годам отбывания в концлагере. Решение было вынесено постановлением тройки при ПП ОГПУ по ЦЧО. О дальнейшей его судьбе нам ничего неизвестно, знаем только, что в 1989 году он был реабилитирован.

После ареста священника бесхозная церковь стала потихоньку приходить в запустение. В августе 1934 года на общем собрании членов местной сельскохозяйственной артели, на котором присутствовали 217 её членов, было принято следующее решение: «Констатировать, что расположенная церковь при нашей артели Коммуна Новая Деревня и близ находящейся деревни Надеждинки, в настоящее время совершенно находится в безхозном виде, которую в течение последних 5–6 лет неоднократно обворовывали, похищая из таковой госфондовские ценности, что свидетельствует судебный процесс над расхитителями. С момента её возведения ни разу не производился ремонт здания, которое приходит в ветхость и отсутствия в нашей Коммуне Новая Деревня верующих, мы единогласно ходатайствуем пред Токаревским райисполкомом о закрытии таковой и передачи её под школу, в чём прилагаем наши подписи».

В сентябре этого же года решение о ликвидации церкви было принято на заседании Президиума Токарёвского районного исполнительного комитета, в котором было отмечено «желание самих верующих, давших подписку более 60% от общего числа (всего верующих — 440 человек, подписались — 266)». Также было отмечено, что церковь находится в лесу Коммуны, что посещение её верующими отсутствует, а здание не охраняется.

А уже в декабре 1934 года было принято новое решение об использовании здания церкви на другие цели, в результате которого здание разобрали и перевезли в село Полетаево для постройки дома культуры.

КОПЫЛ. Здание копыльской церкви, выстроенное в 1902 году, к 1927 году уже требовало ремонта. При церкви имелась сторожка в одну комнату с сенцами, которую занимал церковный сторож. Прихожан данной церкви

насчитывалось около 4000 человек, служба в церкви совершалась только по праздникам, в такие дни церковь посещали в среднем 150 человек. Ближайшая церковь такого же культа находилась в селе Александровка в расстоянии 5 вёрст.

Копыльская церковь также принадлежала к «тихоновскому» течению. Здание церкви и церковное имущество были переданы группе верующих по договору в марте 1922 года. На момент составления сведений на передачу церкви и имущества по договору имелись подписи 10 человек. По церкви задолженности не имелось.

Штат служителей культа состоял из священника и псаломщика. Священник Орлов Александр Леонидович, 53 лет от рождения, уроженец села Чамлык Усманского уезда Воронежской губернии. До революции принадлежал к духовному сословию, из имущества имел дом с постройками и домашний скот, к данному культу присоединился с 1897 года, а в данной церкви священником служил с 1903 года. Псаломщик Боголюбов Иван Афанасьевич, 67 лет от рождения, уроженец села Козловка Козловской волости Борисоглебского уезда. До революции принадлежал к духовному сословию, из имущества имел дом с постройками и домашний скот, в данной церкви служил псаломщиком с 1905 года. Оба проживали в Копыле.

В 1934 году Александра Орлова по просьбе жителей села Никольский Чамлык перевели на родину, священником в Никольский храм. В 1935 году его арестовали по обвинению в антисоветской деятельности, а в 1937 — расстреляли.

Период 30-х годов был временем страшных перемен, он ознаменовался не только разрушением храмов, но и изгнанием и арестами священников. Многие священники, оставшись без приходов, самостоятельно искали свободные приходы и служили в них, зачастую без уведомления своей епархии. Поэтому перемещение священников в тот период сложно отследить. Вот и в Копыле, по преданию, после перевода Орлова Александра на родину в Чамлык, в храме служил ещё один батюшка, у которого было двое детей. К сожалению, имя его не сохранилось, известно только, что после закрытия церкви он уехал в Ленинград. Других сведений о нём мы не имеем.

В 1935 году копыльскую церковь закрыли и службы прекратились. Здание церкви переоборудовали под сельский клуб, где проводили различные мероприятия и «крутили» фильмы. Правда, сначала под клуб пытались приспособить церковную сторожку, но она была небольшой, народу вмещала немного и затея эта не увенчалась успехом. Однако и в здании церкви клуб просуществовал недолго.

Вот что нам рассказал Пищулин Евгений Александрович, 1939 года рождения: «Когда я был мальцом, в храме открыли клуб. Я сидел впереди всех на полу, в ногах у взрослых. В клубе несколько раз показывали фильмы, а потом прекратили — акустика в храме не позволяла чётко слышать, о чём говорят на экране, так что через некоторое время клуб закрыли». Филатова

Ольга Дмитриевна, 1929 года рождения, помнила, как ходила в клуб на танцы, но ходила, по её словам, недолго — вскоре работа клуба прекратилась.

После этого около двадцати лет в здании церковной сторожки находилась библиотека. Здание храма долгое время использовалось в качестве склада, где хранили фуражное зерно и различный сельхозинвентарь, вследствие чего оно совершенно обветшало. В нашей фотогалерее сохранилась фотография 1979 года, из которой видно, что к этому времени здание церкви действительно пришло в полнейшую негодность. С заколоченными окнами и почерневшими стенами оно имело довольно жалкий вид, и не удивительно, ведь до самого последнего времени там хранили сено. В таком виде здание просуществовало вплоть до 2004 года, когда случившийся пожар окончательно уничтожил всё, что ещё оставалось от бывшего храма.

Вот так печально завершилась история наших приходов — храмы были разграблены и закрыты, а их здания, первоначально использовавшиеся под совсем иные нужды, со временем были окончательно разрушены.